

КЭТРИН ГАРБЕРА

Игра в обольщение

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Кэтрин Гарбера
Игра в обольщение

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Гарбера К.

Игра в обольщение / К. Гарбера — «Центрполиграф»,
2016 — (Поцелуй – Harlequin)

Феррин Гейнер прилетает в Калифорнию ухаживать за перенесшим инсульт отцом. Здесь она знакомится с бывшим футболистом, красавцем Хантером Карутерсом, который явился к ее отцу, своему бывшему тренеру, в надежде получить у него документы и видеозаписи, необходимые ему для того, чтобы реабилитировать свое прошлое. Молодые люди понравились друг другу. Однако Феррин подозревает, что нужна Хантеру только для того, чтобы подобраться к документам. И она была права, но все изменилось, когда Хантер понял, что влюбился...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кэтрин Гарбера

Игра в обольщение

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

His Seduction Game Plan © 2016 by Catherine Garbera

«Игра в обольщение» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

– Привет, солнышко!

Феррин Гейнер вымученно улыбнулась человеку, который обычно едва узнавал ее. Она никогда не была близка с отцом. Он жил ради футбола и ради призов, которые гордо выставял в гостиной. Рождение дочери было для него огромным разочарованием. Дочь, которая сжималась каждый раз, когда футбольный мяч взмывал в воздух, была для него позором.

Она почти не видела его после развода родителей, случившегося, когда ей было десять лет. Она едва обратила внимание на то, что двое игроков отца – его названные сыновья – лет десять назад были обвинены в убийстве, ей тогда было пятнадцать. Но даже этот случай не вызвал в нем желания чаще общаться с дочерью. И вот два сердечных приступа и тяжелый инсульт заставили его потянуться к ней.

В свои двадцать пять лет она думала, что уже не захочет никаких связей с отцом. Но оказалось, что это не так. Она знала, не все ее друзья в хороших отношениях с семьями. Но очень хотела бы, чтобы у нее было иначе.

С мамой они были близки. Каждый день говорили друг с другом. Мама не одобряла решение Феррин взять отпуск в университете штата Техас, где она преподавала, и поехать в Калифорнию ухаживать за отцом, но понимала ее мотивы.

Как ответственный преподаватель психологии, Феррин не раз рассматривала себя под микроскопом. И однажды увидела... В общем то, что она увидела, ее взбесило. Ей следовало бы идти дальше, начать новую жизнь. Но она не хотела смириться с тем фактом, что ее отношения с отцом непоправимо испорчены.

Она все исправит.

Черт возьми!

– Эй, тренер, как ты чувствуешь себя сегодня? – спросила она.

В детстве она пыталась называть его папой, но ему это не понравилось: только «тренер», и никак иначе она не должна была обращаться к нему. Даже до развода родителей.

– Я в порядке, – пробормотал он заплетающимся языком. Последний удар, похоже, окончательно лишил его воли. Что-то в нем самом мешало выздоровлению. Возможно, его надломляла неспособность работать, быть физически сильным.

Феррин понятия не имела, что с этим делать. Он почти не разговаривал с ней. Очень заманчиво было оставить его на попечение двух сиделок с проживанием в доме, но она не хотела быть плохой дочерью.

И чувствовала себя виноватой, зная, что, если бы мать была прикована к постели, она сидела бы рядом во что бы то ни стало. Но как бы то ни было, по крайней мере, Феррин обязана отцу тем, что она появилась на свет.

– Приятно слышать. Сегодня чудесный день, так что после завтрака мы пойдем посидим в саду.

– Нет.

Она проигнорировала его ответ и подошла к окну. Тренер любил полумрак; сначала она думала, что после удара у него развилась повышенная чувствительность к свету, но доктора это отрицали.

Она раздвинула тяжелую штору, а потом и остальные. Из окна спальни тренера был виден Тихий океан. Пена прибоя контрастировала с темно-синей водой, и беспрестанно накатывавшие волны обещали покой и умиротворение. То, чего ей так не хватало с того момента, как она появилась на Западном побережье.

– Оставь их, – велел он, снова коверкая слова.

До чего же трудно слышать, как он говорит! Пусть их отношения всегда были холодными, ей нравилось, что у нее сильный отец. А теперь он больше не был сильным.

– Пока тебе лучше съесть завтрак. Джой сейчас принесет его наверх, и я поем с тобой. Ты знаешь, что я не люблю есть в темноте.

Феррин заметила, что, если она сидит за одним столом с отцом, тот съедает почти все, что положили ему на тарелку. Она подозревала, что он старается больше есть, чтобы не разговаривать с ней, и не возражала по этому поводу. Доктора говорили, что, если он будет хорошо питаться и больше гулять, скорее выздоровеет. Поэтому она делала все, чтобы этому способствовать.

– Хорошо.

Его голос звучал сварливо, отчего она улыбнулась самой себе. По крайней мере, он не делает вид, что спит, и не игнорирует ее.

– Вчера ты получил еще одно письмо из колледжа. Они награждают тебя...

– Нет.

– Нет? – переспросила она, нажимая на кнопку, поднимавшую спинку кровати. После первого инсульта колледж оборудовал комнату самым современным медицинским оборудованием. Руководство также наняло Джой, которая вела хозяйство, и двух сиделок с проживанием.

– Мне не нужна их повинность. Стремятся загладить свои грехи? – выговорил он, на этот раз несколько четче.

Она поправила простыни у него на коленях, потянулась за пустым подносом для завтрака и поставила его на кровать.

– Это не из чувства вины.

– Откуда ты знаешь?

Она знала, что это такое.

– Они награждают тебя, тренер, потому что ты принес колледжу столько кубков!

И денег.

Выигрыш означал деньги, а ее отец был одним из лучших тренеров в истории колледжа, команда которого постоянно выигрывала.

– Где завтрак? – спросил он, снова глотая буквы.

Она вышла в коридор и сделала знак Джой нести еду. Та все поставила на стол и вышла.

– Я хочу, чтобы ты подумал, как принять это чествование, – настаивала Феррин, поедая йогурт и фрукты.

Ее отец ел с трудом, но не желал помощи от нее. Это она уже успела усвоить, и урок дался ей нелегко. Он медленно подносил ко рту левую руку и начинал неуклюже жевать. Левая сторона его лица все еще не полностью функционировала. Но он пытался.

– Если приму ее, – пояснил он, глядя на нее почти ясными зелеными глазами, хотя обычно они были словно затянuty пленкой, – это будет значить, что я не вернусь.

Она ничего не ответила.

Он не вернется. Но вдруг вера поможет ему выздороветь!

– Не уверена, что это именно так, но мы можем поговорить об этом позже, – решила она.

Сначала Феррин постарается уговорить кое-кого из футболистов прийти сюда и поговорить с ним. Это приободрит его, и кто знает, вдруг возможность выслушать людей, с которыми он всегда хотел проводить время, даст ей ключ к пониманию отца. Человека, все еще чужого для нее, несмотря на последние две недели, которые она прожила рядом с ним.

Когда они с Джой убрали посуду с подносов, в дверь позвонили.

– Я открою, – сказала Феррин, торопясь покинуть мрак отцовской комнаты.

В середине дня Хантер Карутерс подъехал к особняку в Кармеле. Он провел день в пыльной комнате архива своей альма матер, университета Северной Калифорнии, где пытался

найти больше доказательств, которые помогли бы реабилитировать его имя в деле об убийстве его девушки десять лет назад.

Но обнаружил он только, что не избавился от аллергии на пыль. Хотя мать всегда обещала, что с возрастом аллергия пройдет.

Он был младшим, пятым сыном в большой тexasской семье наследственных ранчero. Родители любили Бога, семью, скот и футбол. Поскольку Хантеру, в отличие от братьев, никогда по-настоящему не нравилась работа на земле, он стал играть в футбол. Он обрел религию в футболе.

Он не пытался раздражать родных, особенно маму, когда сказал это. Но видел мир через призму футбола. Хантер усвоил, что, если никто не стоит у него за спиной, он может сделать пас и, скорее всего, остаться лицом к лицу с двумя или тремя игроками команды-соперника. Или может бежать, словно все демоны гонятся за ним, заработав тачдаун, чтобы стать героем в игре.

То же самое и в жизни.

Иногда ему приходилось оставаться один на один с противником и вести игру. Был один парень, который всегда защищал его спину. Кингсли Бьюкенен. Кинг никогда не трусил и не отступал. Всегда стоял рядом.

Их арестовали – а позже освободили – за преступление, которого они не совершали, и это скрепило их дружбу. Остальные парни всегда стремились поговорить с ним о блестящей карьере футболиста, завоевавшего немало кубков, хотя считали его «опасным» и никто не пытался стать ближе, потому что вопросы все еще оставались.

Кто убил Стейшу Крашник? Что Хантер и Кингсли делали той ночью?

Получить и дать ответы становилось все труднее.

За десять лет воспоминания поблекли, а доказательства, которые и так было сложно достать, исчезли совсем.

Поэтому он припарковал свой «бугатти» на кольцевой подъездной дорожке человека, который мог знать ответы. Солнце сияло ярко, но, черт возьми, в этом и есть все преимущества жизни в Калифорнии. Он был ошеломлен, впервые попав сюда. Тихий океан потряс его. До тех пор он был только на Мексиканском заливе, который в подметки не годился Тихому океану.

Теперь у него был пляжный домик в Малибу, и когда он не был здесь, в Кармеле, гоняясь за прошлым, проводил время на палубе яхты, любуясь океаном.

Он постучал в дверь, поднял очки на макушку и осмотрел местность. Двор неплохо ухожен, возможно, заботами садовника.

Дверь открылась, струйка охлажденного кондиционером воздуха вырвалась на свободу и овеяла его. Он изобразил дружескую улыбку:

– Привет!

Девушка, открывшая дверь, была высокой, по крайней мере пять футов семь дюймов. Длинные кудрявые черные волосы обрамляли ее лицо сердечком. Ее глаза были синими и блестящими, почти цвета волн, на которых он занимался серфингом на закате. На полных губах играла нерешительная улыбка. На длинной шее никаких украшений. Из одежды – летний свитер поверх шорт цвета хаки, доходивших до середины бедра.

Ее ноги...

Длинные, стройные, загорелые. И Хантер вдруг представил, как они обвиваются вокруг его бедер.

Он поспешно тряхнул головой и протянул руку. Он здесь, чтобы получить ответы. Не женщину.

– Хантер Карутерс, – представился он. – Я когда-то играл в футбол в команде тренера Гейнера и хотел узнать, может, он найдет время поболтать со мной.

– Я – Феррин, дочь тренера Гейнера, – ответила она. – Заходите, и мы сможем поговорить.

– У тренера есть дочь?

– Да. Но предупреждаю, я пошла не в него. Не умею ловить мяч. Не умею бросать, и говорят, что у меня аллергия на все виды спорта.

Она повела его в глубь дома, в залитую солнцем кухню.

– Все виды спорта?

– Насколько я могу судить.

В ее голосе звучали шутливые нотки.

Проходя мимо кабинета, он заметил витрину с кубками на одной стене и фотографии тренера Гейнера со знаменитостями, политиками и прославленными учениками. Снимок с Кингсли и Хантером, как он успел увидеть, отсутствовал.

– Хотите выпить? – спросила она, показывая на обеденный стол.

– Э-э... я бы хотел видеть тренера, – пробормотал Хантер.

Какой бы она ни была хорошенькой, он здесь по делам, а флирт с дочерью тренера – невероятная глупость.

– Сначала нам нужно поговорить, – повторила она.

– Какого рода беседа? С лимонадом или виски?

Она снова улыбнулась:

– С лимонадом. А какого рода беседа требует виски?

Он наблюдал, как она наполняет стаканы лимонадом.

– Боюсь, вы вряд ли захотите это узнать.

Она подала ему стакан и села напротив.

– В начале года у тренера случился инсульт, и я не уверена в том, что он сможет вам сказать что-либо существенное.

Инсульт?

– Он в порядке?

– Доктора утверждают, что будет. Я здесь, чтобы помочь ему оправиться и снова встать на ноги. Но он терпеть не может лекарства... впрочем, это не важно. У него бывают хорошие дни и плохие. Я просто не знаю, согласится ли он поговорить с вами.

Черт возьми!

Временами Хантер думал, что мысли о Стейше всегда будут его терзать. Может, это справедливо. Может, Вселенная восстанавливает равновесие, мстя за то, что он не смог ее защитить.

Он не знал. Даже мать со всей ее верой не смогла помочь ему понять.

– Можно мне попытаться? – спросил наконец Хантер.

– Да, – кивнула Феррин.

Он допил лимонад, но отметил, что она не прикоснулась к своему стакану и продолжает смотреть на него.

Дьявол! Неужели узнала?

– Я незнакома со всеми игроками тренера. Когда вы играли под его началом?

– Десять лет назад.

Хантер не хотел упоминать Стейшу, пока не сумеет потолковать с тренером.

– Вы один из знаменитых игроков? – спросила она.

– То есть?

– НФЛ, верно? Квотербек?

– Нет, это мой друг Кингсли. Я был ресивером.

Очевидно, она не узнала в нем героя скандала с убийством в общежитии.

– Папа будет счастлив видеть вас. Позвольте отвести вас к нему, – предложила Феррин, выходя из кухни.

Хантер пытался смотреть только на фотографии команд в рамках, висевшие на стене рядом с винтовой лестницей, но непослушные глаза постоянно возвращались к ее бедрам. Одежда была отнюдь не вызывающей, но его привлекала ее манера двигаться.

Она остановилась на верхней площадке:

– Это ваша команда, верно?

Он взлетел на последние две ступеньки и встал рядом с ней. Да, это его команда. До того, как все случилось. Он стоял рядом с Клайвом и Кингсли. Боже, каким же он был молодым!

Молодым и энергичным. Кто еще так широко улыбается на этом фото?

Парень, воображавший, что станет звездой НФЛ, и считавший, что мир принадлежит ему. Вот он кто.

– Это было так давно.

Она промолчала, идя дальше по коридору к последней двери слева. Открыла ее и жестом попросила остаться на пороге.

– Тренер! – окликнула она. – У тебя гость.

– Кто такой, солнышко?

Слова были почти неразборчивы, и, когда Феррин открыла дверь пошире, Хантер заметил, что когда-то сильный человек, которого он помнил, превратился в беспомощного старика.

«Солнышко»?

Тренер не казался ему человеком, который дает кому-то ласковые прозвища. Но теперь он видел другую сторону Гейнера.

– Хантер. Когда-то он играл в футбол в твоей команде, – пояснила Феррин.

– Хантер Карутерс?

– Да, сэр, он хочет поговорить, – ответила Феррин. – Можно?

– Да,пусти его.

Феррин спустилась в отцовский кабинет, чтобы поработать, пока Хантер беседует с тренером. Она писала статью для маленького журнала, уже не первую, но океан за стеклянными дверями постоянно отвлекал ее. Как и мужчина наверху.

Она ничего не знала о Хантере, но пронизывающие зеленые глаза и темные волосы, подстриженные в стиле свободного художника, занимали ее воображение. Вместо того чтобы работать в ворде, она едва не поддавалась искушению напечатать в поисковике Интернета имя Хантера и что-нибудь узнать о нем.

Но она ясно представляла, какую информацию именно сможет найти. Спортсмен, суперстар НФЛ. Возможно, более уверен в себе, чем Геркулес после всех своих подвигов. Не важно, что она приехала сюда забыть свой разрыв с последним парнем и разобраться с запутанными отношениями с отцом. Мать как-то заметила, что она, возможно, не разрешив проблем прошлого, повторяет это прошлое, встречаясь с эмоционально недоступными мужчинами.

Брр...

Мама права. Но все же...

Хантер... он заинтриговал ее.

Почему?

Потому что легче справиться с влечением к бывшему футболисту, чем разобраться в отношениях с отцом. Она это знала. Проблемы с отцом не настолько необычны или сложны для понимания.

Здесь, в отцовском доме, было так скучно. Особенно потому, что виделись они исключительно за столом.

Услышав шаги на лестнице, она быстро сохранила текст, который печатала, и вскочила посмотреть, кто это.

Хантер.

Он выглядел почти рассерженным.

– Все в порядке?

– Да.

– Вы кажетесь расстроенным.

– Расстроенным? Вы проводите с мужчинами не так много времени, верно?

– Провожу, и много. Впрочем, это не ваше дело. Почему вы спрашиваете?

– Простите, Феррин. Просто я слишком зол. Полагаю, вы общаетесь с мужчинами более высокого класса, чем я.

В этом она сильно сомневалась. Более чопорными, возможно, но классом выше? Она бы не назвала кафедру психологии классной.

– Злитесь? Почему? Я же сказала, он еще не оправился.

– Знаю, – ответил Хантер. Взгляд его был таким сосредоточенным, словно он что-то прикидывал. – Тренер сказал, что колледж прислал сюда все материалы, что были в его офисе. Я хотел бы знать... нельзя ли взглянуть на них.

– Зачем?

– По правде говоря, мне нужна кое-какая информация, и я думал, что она есть у тренера. Он не помнит деталей, но знаю, что он отслеживал кое-что из всех этих вещей.

– Каких именно?

– Видеозаписи тренировок в зале и на поле, – пояснил он. – Не позволяйте мне посмотреть, что в коробках?

– Что сказал ваш тренер?

– Ничего. Он не ответил мне, когда я спросил. Собственно говоря, он почти ничего не говорил, – ответил Хантер.

Она посчитала это странным.

– Интересно, почему? Он обожает воскрешать дни былой славы.

– Я ищу ответы на то, что случилось в дни моей игры за колледж. Очень надеялся, что тренер сможет помочь.

Искренность в голосе и напряженный вид говорили о решимости. Она задумалась. Все равно ей нечего делать днем, когда отец ее игнорирует, а она всегда воображала себя кем-то вроде книжной девушки-детектива Нэнси Дрю.

– Посмотрим, что я могу узнать у него, – ответила она. Ей хотелось уточнить у тренера, так ли все было, и убедиться, что он согласен на просмотр своих бумаг. – Почему бы вам не вернуться завтра?

Он шагнул ближе, и она снова отметила, какие зеленые у него глаза. Как поля в первые дни весны. Он красив, невозможно это отрицать, с копной темных волос, классическими чертами лица и короткой бородкой. Прямой нос, густые, но не слишком брови, сильная челюсть. Интересно, обладает ли его внешность пропорциями золотого сечения? Должно быть. Он один из самых красивых мужчин, которых она встречала в жизни.

– Не могли бы вы спросить сейчас? Мы успеем все просмотреть, а потом я приглашу вас на обед.

– Э-э... обед?

– Да. Я хотел бы лучше вас узнать, Феррин. Давно уже я не развлекался. Кроме того, я обязан вам еще и потому, что повел себя как болван.

Развлекаться. Он считал обед с ней развлечением.

Она вздохнула:

– Сегодня вечером спрошу тренера насчет бумаг. Сейчас у него физиотерапия, а потом он поспит.

– Все справедливо. Мне не следовало так настаивать.

Хантер потер рукой грудь, привлекая ее внимание к мышцам, бугрившимся на предплечьях.

– Значит, обед. Я заеду за вами в шесть, – пообещал он.

– Заедете? А меня вы не подумали спросить?

Она не совсем понимала, что он затеял. Ясно, что он сменил тактику, поняв, что она не сдастся. Даже сознания, что он, возможно, пытается что-то получить от нее, было недостаточно, чтобы заставить ее отказаться.

Она так давно не была на свидании. Порвала с Роджером еще до Рождества, но и до этого отношения медленно умирали не менее трех месяцев. Если уж на то пошло, свидание с Хантером отвлечет от тоски, липнувшей к этому дому и к ней с тех пор, как она живет здесь.

– Прошу прощения. Вы пообедаете со мной сегодня вечером?

Она склонила голову набок, делая вид, будто обдумывает предложение.

– Полагаю, что да.

– Вы полагаете?

– Сами сказали: я привыкла все делать по высшему классу.

Хотя на самом деле этого не было. Но она не хотела облегчать ему жизнь. С его лицом и мускулистым телом так легко уговорить девушку!

– О, все будет по высшему классу, Феррин, – заверил он. – Погодите и увидите. Я вернусь в шесть.

– Я буду готова к половине седьмого, – сообщила она.

Он откинул голову и рассмеялся:

– Плутовка!

Сомнительно. Но она устала от монотонности существования, а Хантер обещал что-то другое.

– Значит, в половине седьмого. Оденьтесь во что-то классное.

– Словно я делаю что-то иначе, – пожала она плечами, ведя его в переднюю.

Открыла дверь и прислонилась к косяку. Он протиснулся мимо, но остановился и нагнулся. Сжал ее подбородок.

Обед вдруг показался чем-то большим, чем желанный перерыв в рутине. Она подозревала, что ему что-то от нее нужно. Но ничего страшного. Она тоже хотела от него кое-что – возможности вспомнить, что она молода и одинока. Может, воспоминание о пребывании в Калифорнии не будет отравлено угрызениями совести и разочарованием.

Глава 2

Ресторан «Роки пойнт» был знаменит в Кармеле своим видом на побережье Биг-Сур. И поскольку Феррин упомянула, что никуда не выезжала из дома с самого своего появления здесь, Хантер подумал, что ей захочется побыть на людях. Кроме того, если быть до конца честным, он не был вполне уверен, что поведет себя как джентльмен, если останется с ней наедине.

Пусть он приехал в дом Гейнера, чтобы увидеть тренера и получить ответы, но сегодня вечером просто разрывался. Сейчас главное для него – увидеть Феррин, и где-то в глубине души ему даже было все равно, позволит она порыться в коробках отца или нет.

Она распустила волосы, доходившие до обнаженных плеч. На ней был топ в богемном стиле, синий, как море, и к нему она надела узкие белые джинсы, в которых ноги казались еще длиннее. Кроме того, она надела туфли на высоких каблуках и казалась в них чуть ниже его шести футов двух дюймов.

Пока они шли с парковки в ресторан, он замечал взгляды окружающих, обращенные на него и его спутницу. На секунду он забыл свою историю. Забыл, что он Хантер Карутерс, обвиненный в убийстве, и подумал, что люди просто любят красивую пару.

Но как только они подходили ближе, люди отворачивались и старались обходить их стороной.

Он тихо выругался.

– Что?

– Ничего. Я думал, что вам будет приятно выйти из дома, но недооценил того, что здесь все меня знают.

Она осторожно положила ладонь ему на руку:

– Не важно. Они не знают настоящего Хантера Карутерса.

– И вы не знаете, – заметил он и перед тем, как войти в ресторан, отвел ее в сторону: – Не обижусь, если потребуете, чтобы я отвез вас домой.

– Но и вы меня не знаете, Хантер. Я не из тех, кто отказывается от свидания еще до того, как оно началось. Я вполне могу вынести сплетни. Вы один из плохишей-игроков НФЛ?

– Не совсем. Я, конечно, встречаюсь с красивыми женщинами, и за мной числятся некоторые выходки, но я не считаю себя плохишом.

Может, она уже разыскала его в Гугле и узнала о скандале, который следовал за ним темным облаком, отпугивая от него все хорошее и светлое.

Черт, он слишком драматизирует. Просто десять лет – слишком долгий срок, чтобы бежать от прошлого. Даже его отец, настолько немногословный, что понятие «лаконичный» в его устах казалось болтливостью, сказал, что, может, пора найти ответы. Узнать, что случилось на самом деле.

– Да кто же считает себя плохишом? – подмигнула она. – Но вам следует знать: что бы ни случилось между нами, я не из тех, с кем можно играть.

Он протянул руку, чтобы открыть дверь. Она вошла в ресторан и направилась к хостес.

Он видел, что Феррин унаследовала характер своего отца. Она явно не знала его истории, что было ободряющим и немного тревожным. Ему придется сказать ей. Он так давно не делал этого. Потому что большинство тех, кого он встречал, уже знали о его деле. Нужно быть с ней откровенным. Но у него был опыт, он знал, что, как только скажет ей о связи с убийством в общежитии, она отстранится от него. Будет холодна и отчужденна.

– Два человека?

– Я зарезервировал столик, – сообщил он. – Хантер Карутерс.

Хостес кивнула и повела их к столику с видом на зубчатые скалы, ведущие к песчаным пляжам Биг-Сур. Перед тем как сесть, он отодвинул стул для Феррин, как его учила мама.

Они заказали напитки и ужин до того, как Хантер вспомнил, что это не просто свидание. Он пригласил ее сюда, чтобы смягчить. Может, она позволит взглянуть на старые документы тренера, хотя ее отец был крайне несговорчив.

– Итак...

– Вы хотите видеть бумаги из отцовского офиса. Знаю. И обдумываю вашу просьбу. Но мы с отцом не в лучших отношениях, и делать что-то, не спросив его, и тем самым рассердить – значит ухудшить ситуацию.

– Вполне справедливо, мэм. Но что, если я сумею убедить вас, что он не станет возражать?

– Я бы сказала, что вы чересчур полагаетесь на свое обаяние хорошего парня. У меня устойчивый иммунитет против техасского пофигизма.

Он откинул голову и рассмеялся. В доме тренера Феррин казалась... застенчивой... нет, это не то слово, чтобы описать столь сварливую особу. Но раньше она была такой смирной.

– Как я могу убедить вас? – спросил он.

– Расскажите о Хантере нечто такое, чего не знает мир.

– И ничего общего с футболом?

– И ничего общего с футболом, – подтвердила она.

Он не мог понять ее равнодушного отношения к спорту. Всегда думал, как было бы прекрасно иметь отца-тренера. Его отцу были безразличны только скот, земля... фамильное наследие. Но Хантер никогда этого не понимал.

– Почему вы не любите футбол? – спросил он.

Она пригубила вина и посмотрела на заходящее солнце. Он заметил медные отблески в ее темных волосах. Дул ветер, бросая пряди ей в лицо. Она поставила бокал и посмотрела на него. Ее синие глаза были серьезны и почти печальны.

– В глазах отца я никогда не могла состязаться с футболом или футболистами. Так что и не пыталась. Не то чтобы я не любила футбол. Просто...

– Вы его ненавидите.

– Это очень сильно сказано.

– Нет, если речь идет о страстной женщине. Я понял, поскольку испытываю то же самое к скоту. Моя семья владеет большим ранчо в Хилл-Кантри, и все мои братья любят работу на земле. По крайней мере большинство – один стал хирургом. Но черт возьми, я ненавидел ранчо с... по-моему, с рождения.

– Поэтому и играли в футбол?

– Итак, мэм, я из Техаса.

– Я так и поняла.

– Как насчет вас? Я совершенно уверен, что расслышал, что вы говорите немного в нос.

– Я преподаю в Техасском университете города Остин.

– Позвольте догадаться. Литература.

– Ошиблись. Я читаю лекции по психологии.

– Ошибся? Хорошо, что мы не заключили пари!

Она рассмеялась:

– Хорошо! Бьюсь об заклад, вы не привыкли проигрывать.

Прошлое тяжело давило на его плечи. Собственно говоря, он проиграл лишь однажды, но по-крупному. В тот момент, когда Стейшу убили, а его обвинили в убийстве.

– Никто не может привыкнуть к проигрышам, – сказал он.

Она положила на его руку свою и сжала пальцы. Эта девушка так отличалась от своего отца, который вечно твердил, что не стоит заикливаться на неприятностях. Она умела сочув-

ствовать, и какая-то часть его сознания подсказала, что он может сыграть на этом. Заставить дать то, чего он хочет. Другая часть сознания не хотела затевать с ней игры. Но он футболист. И всегда был футболистом, а значит, умеет играть.

– Простите, Хантер. Расскажите мне еще раз, почему вам нужно увидеть бумаги и вещи отца.

Он коснулся ее руки, потер большим пальцем костяшки пальцев, одновременно обдумывая, что сказать. Если он откроет правду, она замкнется. Ему нужно... нужно, чтобы она почувствовала свою значительность. Словно он здесь ради нее.

И это так, пока она имеет доступ к информации, которая нужна ему, чтобы обелить свое прошлое. Но ему почему-то было не по себе. Может, свидание было ошибкой, поскольку чем больше он узнавал Феррин, тем сильнее ощущал, как это неправильно – использовать ее.

– Я здесь, чтобы наконец раскрыть убийство, совершенное в общежитии. Я хочу раз и навсегда вернуть себе честное имя.

Она положила руки на колени и переплела пальцы. Она смотрела на человека, с которым обедала, и по спине ее полз ледяной озноб.

Убийца.

Слово эхом отдавалось в мозгу, но почему-то было трудно соотнести его с человеком, которого она успела немного узнать за этот вечер.

В горле пересохло, и она поняла, что нужно сказать ему что-то. Он пристально наблюдал за ней, но Феррин понятия не имела, как реагировать на то, что она только что услышала.

– Э-э...

– Да, понимаю, я сумел испортить вам настроение, – вздохнул он, – Сначала я подумал, что вы узнали мое имя, но потом стало ясно, что это не так.

– Нет, я же сказала, что не слишком увлекаюсь спортом и не знаю членов отцовских команд. Поэтому расскажите, что произошло.

– Хорошо. Правда, не знаю, с чего начать.

– Возможно, хорошая идея – начать сначала, – ответила она, все еще пытаясь свыкнуться с тем фактом, что он обвинялся в убийстве. Но он вовсе не казался ей угрожающим. – Вас арестовали?

– Да. Но нас освободили под подписку о невыезде, и обвинения так и не были предъявлены. Поэтому так важно взглянуть на документы вашего отца, – пояснил он.

– Думаете, он имеет что-то общее с убийствами?

Хантер пожал плечами:

– Нет. Не думаю. Но нам не хватает видеозаписей из тренажерного зала, где напали на Стейшу. Думаю, они в коробках с документами вашего отца. Он хранил все.

– Это верно. Пока я живу здесь, он каждую ночь просматривает записи. Что заставляет вас думать, будто у него есть записи из тренажерного зала? Я помню, что видела записи тренировок на поле, – ответила Феррин, пытаясь понять, что же хочет найти Хантер.

– На следующий день после тренировок в тренажерном зале он всегда делал нам замечания. Говорил, что я не работаю с тяжестями в полную силу. Поэтому я понял, что он просматривает и записи из тренажерного зала.

– Это дает пищу для размышлений, – сказала она наконец.

Ей хотелось помочь Хантеру, но, если ее отец сказал «нет», она не станет раскачивать лодку их отношений, действуя за его спиной. Это не в ее натуре.

– Хотите погулять? – спросил Хантер. – Если только чувствуете себя со мной в безопасности.

Она оглядела его, увидела нерешительность в глазах, и ее сердце дрогнуло. В средней школе ее однажды обвинили в обмане. Заявили, что на экзамене она воспользовалась шпаргалкой. Она ничего такого не делала, и мать заставила преподавателя изменить оценку, но

остальные ученики поверили в ее виновность. Хотя с положением Хантера не сравнить, она помнила, каково это: когда она приходила на собрания почетного общества, люди глазели на нее так, словно ей там было не место.

– С вами я чувствую себя в безопасности, – призналась она.

Хантер заплатил по счету, и они пошли на пляж. Для человека, которого когда-то обвинили в убийстве, Хантер был удивительно обаятельным и обладал способностью к самоиронии. Феррин отметила все это, пока они гуляли по берегу. Ветер развеивал ее волосы, и единственным звуком, нарушавшим тишину, был шум прибоя. Ему нужна информация, хранившаяся у ее отца, и если учесть, насколько ей были безразличны подобные вещи, она едва не поддалась искушению отдать все ему. Но это наследие Гейнеров. Это все хранил отец, и в коробках с записями тренировок и игр и старых документах было что-то такое, чего он боялся.

Она сомневалась, что записи помогут Хантеру. Что отец мог знать о смерти студентки и не рассказать полицейским? Но... ей нравился Хантер. Было в нем что-то отличавшее его от всех ее знакомых мужчин.

Он был спортсменом, но не похожим на других. Один из любимых названных сыновей отца. Но он не смотрел на нее сверху вниз. Не заставлял чувствовать себя книжным червем, не способным привлечь его внимание. Возможно, дело в том, что он красив и ухаживает за ней. Невозможно этого не замечать. Пусть она серьезна и делает вид, будто умудрена жизнью, но она не сухарь и не синий чулок.

– О чем вы думаете? Вы постоянно поглядываете на меня краем глаза, – заметил Хантер, останавливаясь около скалистого утеса.

– Ни о чем.

Как же, ни о чем! Словно она не раздумывает, стоит ли сказать, что речь идет о его привлекательности.

– Милая, знаю, что вы считаете меня тупым спортсменом.

– Никогда. В вас нет ничего тупого, Хантер, – заверила она, глядя на волны, набегавшие на берег, и сознавая, что в этом и есть ее проблема. Будь он похож на любого игрока в команде отца, она бы сказала: «Спасибо за ужин, мне пора». Но он не таков.

– А, ерунда, мэм.

– Бросьте, Карутерс. Сами знаете силу своего обаяния. Вы разыгрываете эту карту, когда считаете, что подобный ход вам выгоден.

– И срабатывает?

– Может быть. Я еще не решила, – улыбнулась она.

Он повернулся так, что оказался совсем близко. И хотя не касался ее, было нетрудно представить его руки на ее плечах, притягивающие ее к мужской груди... Уф. Она нуждалась в нем. Нуждалась в том, чтобы он помог ей оказаться в мире ее отца, восстановить с ним отношения. А Хантер хотел чего-то от нее. Почему бы ей не воспользоваться этим?

Она подняла руку, погладила его бородку, мягкую и шелковистую. Ветерок окутывал их прохладой, но жар его кожи почувствовали ее пальцы, отчего их стало покалывать.

– Что происходит в твоей прелестной головке? – тихо спросил он.

Она закрыла глаза, словно пытаясь принять «мудрое решение». Но ее гормоны и внутренний голос подсказывали, что уже слишком поздно. Поздно было уже в тот момент, когда он попытался прервать свидание из-за того, что скажут окружающие о женщине, готовой ужинать с таким, как он.

Она открыла глаза и едва не вздрогнула, заметив, что он наблюдает за ней. Что его зеленые глаза устремлены на нее. И смотрит он выжидающе.

Его слишком много осуждали за эти годы. Она поняла это по настороженности в его взгляде и напрягшемуся телу. Он ждал, что она отвергнет его, уйдет навсегда. Но при этом не трусил и спокойно ждал приговора.

– Как вам это удастся? – спросила она неожиданно.

– Что именно?

– Жить с этим. Жить с нежелательным вниманием и не сойти с ума.

– Трудно. Но если честно, помогает сознание того, что я невиновен. Именно это дает силы пройти через все испытания. Это и Кингсли. Мы оба знаем правду о той ночи.

Она кивнула.

– Я еще не уверена, стоит ли позволять вам рыться в документах отца, – сказала она. – Но не хочу, чтобы вы ушли из моей жизни. По крайней мере, пока не хочу.

Уголок его рта поднялся в легкой улыбке.

– Я слушаю.

– Я хочу... это звучит так эгоистично, верно?

– Вовсе нет. Я сказал вам, чего хочу. Почему бы вам не получить желаемое? – заметил он.

Голос был бархатно-вкрадчивым. Она подумала, что такой голос должен быть у самого дьявола, который ведет бедную грешницу к гибели. Но ведь она не грешница и ей не грозит гибель. Она не испытывала тревоги, скорее предвкушение. Словно впервые за много лет Феррин чувствовала себя живой. Наконец она живет, а не просто существует.

И это было слишком соблазнительно, чтобы отказаться.

– Я хочу узнать вас. Но если вы здесь только из-за отца, так и скажите. Думаю, между нами проскочила искра. Хочу посмотреть, к чему это приведет, но не желаю, чтобы меня подкупали, назначая свидания. Я не стану держать перед вашим носом документы отца.

Мгновенное влечение, любовь с первого взгляда... она слишком практична, чтобы верить в подобные вещи, но сейчас, когда над их головами висел полумесяц, казалось, в воздухе разлито волшебство.

Он сжал ее лицо ладонями, большими и удивительно мягкими. Слегка откинул ее голову, так что их глаза встретились. Взгляд его был таким пристальным, что она вздрогнула. Чего он ищет?

– Никакого подкупа не потребуется, – прошептал он, наклоняясь к ней и целуя.

От нее пахло сладкими цветочными духами и морем. Ужин прошел интересно. И неожиданно изменил что-то такое, чего он вовсе не предполагал. А она такая милая. Выложила все, что требуется для того, чтобы он получил желаемое.

«Только будь спокойным и льсти ей больше», – подумал он. Но тут же словно услышал голос своей помощницы Эйши: «Не будь кретином».

Он погладил большим пальцем нижнюю губу Феррин. Она затрепетала, но, если бы он не касался ее, стоя так близко, ничего бы не заметил.

Она снова превратилась в застенчивую скромницу, которую он встретил в доме тренера. Не сварливую особу, которая смело согласилась на ужин в компании футболиста с запятнанным именем. Именно эти противоречия в ее характере привлекали его. Он это знал.

Но ненавидел откладывать что-то в долгий ящик.

– Так вы целуете меня или нет? – спросила она.

Он рассмеялся:

– Конечно... просто не хочу сделать неверный шаг. Моя совесть...

– Мне казалось, что вы игрок. Бьюсь об заклад, вы меняете женщин как одноразовые носовые платки.

– Но вы не одноразовый платок, верно? – спросил он, твердо зная, что она другая. – Вы только что изменили отношения между нами. Не хотите, чтобы я действовал подкупом, а мне нужно убедиться, что я точно не пошел легким путем. Именно из-за этого я тогда попал в беду.

Она попятилась от него и направилась к машине. Он знал, что все испортил. У него поистине дар все портить!

Хантер шагнул к ней и поймал в объятия, нежно, осторожно, словно мяч, который готовился перепасовать. Закружил и оторвал от земли.

– Что вы делаете?

– Исправляю ошибку, – сообщил он.

Ему нужно перестать думать. Разве не тренер утверждал, что единственный способ улучшить манеру игры – прислушаться к инстинктам?

Он коснулся ее губ своими губами. Легко, потому что самоконтроль еще оставался, и ощутил вкус кофе, который она пила после ужина.

Феррин приоткрыла рот, обняла его за шею и склонила голову набок. Почему-то он вдруг перестал волноваться из-за опасения совершить ошибку и не стал спрашивать себя, почему он ее целует.

Он не мог не поцеловать Феррин. Она являла собой то, чего он хотел, пусть и не мог позволить себе иметь. Впервые после гибели Стейши... он почувствовал что-то к женщине. Может, дело в том, что Кингли живет с Габриэла Круз и стал семейным человеком или... Он просто был близок к тому, чтобы узнать, что в действительности случилось со Стейшей.

Вероятно, это его обычная потребность побеждать или, может, что-то большее. Только время покажет.

Сейчас ему нужно только знать, как мягки и прохладны пальцы Феррин на его щеке. Как бережно она проводит пальцем по его короткой бородке, отчего по шее и груди идут мурашки... прямо в пах. Как она прижалась к нему, когда поцелуй стал крепче.

Он откинул голову и взглянул на нее. Губы чуть раздвинуты, глаза полужакрыты, а белоснежная кожа слегка порозовела.

Хантер мог зайти немного дальше. Им сейчас ничего не стоит вместе отправиться в постель, но он хотел больше чем одну ночь. Он знал, что игры выигрываются терпением. Шаг за шагом. Десять ярдов за раз. Иногда одурачить команду противника – это способ продвинуться еще на несколько ярдов.

Он поставил ее на песок. Зарылся руками в ее роскошные волосы и снова поцеловал, хотя решил не делать этого. Но какой человек мог устоять перед ней, перед этими припухшими губами и милым лицом? Она так смотрела на него, словно хотела... но он тоже этого хотел.

Черт!

Ситуация усложняется.

В ее присутствии он терял самообладание.

Какого дьявола тут происходит? Он всегда умел держать себя в руках. Но с Феррин...

Он отступил, повернулся к ней спиной, уперся руками в бедра и стал смотреть на море. Прошло долгих полгода с тех пор, как у него была любовница... может, дело в этом.

Пожалуйста, Господи, пусть дело будет в этом. Пусть это будет причиной, по которой он почти не может ей противиться. Едва сдерживается, чтобы не подхватить ее на руки, отнести в укромное местечко и сделать все, чтобы выражение этих глаз не изменилось.

Но он не мог. Шаг за шагом.

Черт!

Это очень трудно.

– Хантер?

– Я просто не хочу быть тем парнем.

– Каким парнем? – спросила она, шагнув к нему.

Он заметил, что прядь ее волос коснулась губ. Ему захотелось дотронуться до нее. Но он знал, что, если сделает это, не сможет остановиться.

– Тем, которым вы меня считаете, – пояснил он. – Плохишом-игроком НФЛ, меняющим женщин каждую неделю. Я хочу быть чем-то большим.

– Ну, этот футболист, плохой парень, возможно, не был бы здесь со мной. Все изменилось. Должно быть, вам трудно поднять забрало...

– Трудно. И я хочу кое-что от вас, Феррин. Несмотря на деньги моей семьи и то обстоятельство, что я родился с серебряной ложкой во рту, я не из тех, кто гнушается использовать любые средства для достижения цели. Но я не уверен, что могу устоять против такого искушения, как вы.

– Я искушение?

– Черт возьми, женщина!

– Простите, я не собираюсь извиняться за это. Я не из тех женщин, которые искушают мужчину и вызывают в нем желание стать лучше.

– Мне трудно в это поверить.

– Я незаметная, Хантер!

– Неправда!

Глава 3

Хантер проснулся при ярком дневном свете один в своей кровати и пожалел, что не привел Феррин с собой прошлой ночью. С досадой повернулся, ударил кулаком по лежавшей рядом подушке и заставил себя встать.

Он составлял план в уме. Но прежде всего Хантер лег на пол и сделал пятьдесят отжиманий. Отец говорил, что оставаться целеустремленным – единственный способ пережить трагедию. Именно так семья отзывалась на смерть Стейши. Он знал, что родные желают ему только добра.

Они считали, что Хантер и Кинг должны оставить все это в прошлом. Но друзья знали, что не могут.

Он закончил отжиматься. Оделся для пробежки и набрал номер Кинга, когда спускался вниз.

– Приятель, что-то ты рано!

– Но я знаю, что Коннор уже поднял тебя.

Сыну Кинга было два года, поэтому он вставал на рассвете. Иногда он будил даже Хантера, имевшего честь быть его крестным. Кингсли много путешествовал, поэтому Коннор научился набирать на айпаде номер Хантера и считал, что может звонить ему в любое время, чтобы рассказать, какую историю ему прочитали на ночь и какую штуку он видел в ночном небе.

– Так и есть. Именно поэтому я жалуюсь. Только сейчас сплавил его к товарищу по играм и мы с Габи наконец остались одни.

– Прости, старина, – рассмеялся Хантер. – Буду краток. У тренера было два сердечных приступа и удар. Он почти не говорил со мной и не дал разрешения порыться в его вещах. Я зашел с другой стороны.

– Какой именно?

– Я о дочери тренера.

– У тренера есть дочь?

– Да. Умная и забавная.

– Хорошенькая?

– Хорошенькая?! У нее глаза цвета воды вокруг Арубы, помнишь старую калошу, в которой мы отпраивались, чтобы заняться дайвингом?

– Да.

– Так вот, как я уже сказал, у нее глаза цвета воды вокруг Арубы.

– Дьявол, Хантер, ты лопочешь как...

– Идиот, – закончил он. – Знаю. Но она другая, Кинг. Не то, что я ожидал.

– Так ты обхаживаешь ее, чтобы добраться до записей?

Так ли это? У него был план. Соблазнить ее и получить желаемое. Прошлой ночью план провалился, потому что она бросила окружающим вызов, согласившись поужинать с ним под их взглядами. Но сегодня утром он был полон решимости следовать намеченному пути.

– Да. Но это сложно.

– С женщинами всегда все сложно. Хочешь, я поговорю с ней? И тебе не придется...

– Нет, я сам все сделаю. Когда я просил тебя сделать что-то за меня?

– Никогда. Каждый несет свой груз, но мы – одна команда. Мы как братья, Хантер. Я всегда рядом, если понадобится тебе.

– Спасибо, Кинг. Взаимно. Я все понял. Иду на пробежку, а потом... не хочешь пригласить меня и Феррин к ужину?

– Зачем?

– Я хочу, чтобы она лучше нас узнала. Поняла, что мы просим разрешения взглянуть на документы только потому, что хотим обелить свои имена.

– Хорошо. Посоветуюсь с Габи и дам тебе знать, когда приехать.

Хантер закончил разговор и отправился на пробежку. Горные дорожки, по которым он бегал в Калифорнии, очень отличались от техасских холмов, рядом с которыми он вырос. Дома эти холмы были скорее пригорками, и он никогда не утомлялся на пробежке, взбираясь на них.

Закончив пробежку, он помчался к двери своего дома мимо незнакомой машины. И остановился на нижней ступеньке крыльца. Его дизайнер интерьеров обставил патио двумя большими калифорнийскими садовыми креслами из кедра.

В одном сидела Феррин. В руке пластиковая чашка, очки подняты на макушку, ноги изящно скрещены. На ней были выцветшие джинсы, такие поношенные, что выглядели мягкими, и шлепанцы. Ногти на ногах были покрыты темно-красным лаком.

– Привет.

– Доброе утро, – ответила она. – Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы провести день вместе?

Он мысленно перебрал дела на сегодня. Утром у него встреча с помощницей, днем брифинг по сбору средств для членов команды местного городка, которую он спонсировал. Они нуждались в новой форме.

– У меня пара встреч, но в остальном я свободен. Хотите зайти? Мы все обдумаем.

– Вы работаете?

Он оглянулся на нее:

– Отец не согласился бы с вами, потому что в его понятии работать можно только на ранчо. Но да, я работаю.

– Чем вы занимаетесь?

– Управляю фондом, который поощряет детей заниматься спортом, и нахожу средства для спортивных групп в районах с низким доходом. Пытаюсь, так сказать, выровнять футбольное поле.

– Вот это да! Я и понятия не имела!

– Знаю. Мое участие в фонде не афишируется. Люди легче отдают деньги, если мое имя не ассоциируется с фондом.

– Но это несправедливо. С вас еще в колледже были сняты подозрения. Я считаю, что имя бывшего игрока НФЛ поможет известности фонда.

– Но мир видит это в другом свете, – вздохнул он, отпирая дверь.

Все же его работа с фондом делает жизнь немного менее пустой, после всего, что происходило вокруг смерти Стейши.

– Зайдете? Можете подождать на заднем крыльце или в кухне, пока я наскоро приму душ.

– Я подожду на заднем крыльце. Мне нравится быть на свежем воздухе. Нам не обязательно проводить вместе день именно сегодня.

– Но мне хочется быть с вами. Это именно то, в чем мы нуждаемся.

– Мы?

– Да, чтобы вы знали: я не собираюсь ничем повредить вашему отцу. И чтобы я смог вспомнить, каким человеком был когда-то.

Он побежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, а в душе пытался сделать вид, что ее присутствие в доме входит в план. Но на самом деле она выбила его из равновесия. Она была полузащитником, которого он не заметил по пути к воротам. И хотя она казалась вполне легковесной, все же явно была способна подставить ему ножку, прежде чем он достиг зоны защиты.

Феррин не имела особых целей, когда решила приехать к Хантеру. Она хотела попытаться понять, стоит ли давать Хантеру доступ к документам отца. Позволить ему получить ответы.

По крайней мере, именно это она себе твердила.

Это вовсе не из-за того поцелуя, который всю ночь преследовал ее во сне. Не из-за того, что ей впервые казалось, будто ее одолевает похоть. Настоящая похоть. Не того рода, который можно объяснить инстинктом продолжения рода или биологическими часами. Она хочет именно Хантера. В этом не было логики. Только раскаленная добела похоть. У них нет ничего общего. Все дело в его внешности. В его большом мускулистом теле, том внимании, которое он уделял ей. Жаль, что она не может с этим справиться.

Она привыкла подолгу обдумывать свои поступки и мотивы. Ее никогда не влекло к игрокам команды отца... по крайней мере, с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать и она стала жить самостоятельно. Она гордилась тем, что была выше животных инстинктов, но один ужин с Хантером заставил ее усомниться в этом.

Один ужин.

Почему она здесь?

– Выглядите слишком серьезно для такого прекрасного солнечного утра, – сказал Хантер, выходя на крыльцо.

Он переоделся из спортивной одежды в белый льняной летний костюм и пастельного цвета рубашку. На ком-то другом все это воспринималось бы как стремление выделиться, но Хантер выглядел абсолютно гармонично. Его волосы были гладко причесаны, борода аккуратно подстрижена. От него пахло свежестью.

– Не все привыкли идти по жизни смеясь.

– А значит, сегодня вас терзают сожаления.

– С чего бы? Вчера мы ничего такого не сделали.

– В этом и есть проблема? – спросил он, садясь рядом с ней во второе кресло.

– Не знаю. – Честность была одним из принципов в ее жизни. – Может быть.

– Я тоже не знаю, – признался он. – Но мы всегда можем это исправить. Вот если бы мы чересчур поспешили вчера, сегодня нас одолевали бы сожаления. Не хотите позавтракать со мной? Или вы уже поели?

– Завтрак? Было бы здорово. Что можете предложить? – спросила она, поднимаясь.

В своей голове она уже составила проверочный список вопросов. В точности так, как она проводила психологическую оценку на работе. Мать не раз говорила ей, что никакие отношения не продержатся долго, если она будет во всем основываться на теориях, но у нее не было другого способа узнать, чем дышит Хантер.

– Я встречаюсь с помощницей в маленькой закусочной недалеко от Файва. Она работает в моем главном офисе в Малибу и придет, чтобы дать мне кое-какие бумаги на подпись и документы. Езды отсюда сорок пять минут.

– Звучит неплохо. Отец ожидает меня только к вечеру.

– Вы ничего не решили насчет его документов? – спросил Хантер.

– Решила, конечно. Поэтому и приехала.

– А я думал, что вы приехали из-за жаркого поцелуя прошлой ночью.

– О, что касается поцелуя, то меня, пожалуй, разбирает любопытство, – кивнула она и тут же поняла, что, возможно, показалась ему идиоткой.

Он молча наблюдал за ней. У нее возникло неловкое ощущение того, что с ней играют. Может, стоит отказать ему в доступе к документам и посмотреть, что будет дальше?

Он покачал головой:

– Простите, но, когда я вижу то, что хочу, случается, иду напролом.

– Ничего страшного.

– Нет, вы не поняли. Я вовсе не давлЮ на вас. Просто пытался понять, стоит ли и дальше интересоваться документами. Если этого будет достаточно, чтобы заставить вас поверить, что вчерашний поцелуй был настоящим, а не частью игры, которую я веду, – пояснил он.

На то он и умелый игрок!

Но она уже решила. Хантер видел ее насквозь, возможно, слишком хорошо видел, но он достаточно умен, чтобы понять: использовать страсть, пылавшую между ними, как средство манипулировать Феррин не самый легкий способ получить то, чего он желает.

Они вышли из дому и поехали в Файв. Хантер вел машину спокойно и профессионально, при этом не прерывая беседы. Рассказал о лучшем друге Кингсли, женившемся на девушке, которая была его подружкой еще со времен колледжа, и об их сыне Конноре, своем крестнике. Кстати, мальчик пытался Хантеру позвонить, пока они были в пути.

– Вы с ними близки, – заметила она.

– Кинг мне как брат. Даже ближе.

И вдруг все в Хантере стало ясным. Он сделает то, что должен, лишь бы увидеть документы ее отца. Она не сомневалась, что его посещала мысль соблазнить ее, и неизвестно, отказался ли он от этой мысли, но понимала, что ставки для него высоки.

Интересно.

Пустенький на первый взгляд плейбой способен на истинные чувства. Те, о которых она не подозревала, и запрещать ему увидеть документы отца становилось куда труднее, чем она предполагала.

Встреча с Эйшей, помощницей Хантера, прошла гладко. Он отправил эсэмэску, в которой написал, что с ним будет женщина, и просил держать свои ехидные комментарии при себе. Его помощница прекрасно справлялась с обязанностями, но вечно его подкалывала.

– Мне она нравится. Потому что ничего вам не спускает, – заметила Феррин, когда они вернулись в машину.

– Знаю. Я нанял ее потому, что она единственная из всех претенденток не попросила посмотреть мой перстень победителя суперкубка. Ей совершенно безразличен футбол, но она любит детей и выросла в бедном округе, так что ей важно, чтобы дети чем-то занимались и хорошо проводили время.

– Это сразу видно. Я считала вас одним из мальчиков-мажоров, которые берут все, что пожелают, и плевать хотели на последствия.

– Ну прежде всего я мужчина. Не мальчик, – заметил он, глядя прямо в глаза Феррин. Может, он действует слишком медленно?

Желание блеснуло в ее красивых синих глазах.

– Я знаю, что вы мужчина.

Прекрасно. Он хотел, чтобы она об этом не забывала.

– Вы занимаетесь серфингом?

– Похоже, что я занимаюсь серфингом? Не забудьте, я не слишком увлекаюсь спортом.

– Каково это было – расти в семье тренера?

– Ужасно. Я не люблю футбол, не могу ловить мяч, что очень его бесило. Я неплохо бегаю, но мне это не нравится, и умею плавать. Но, по его словам, это не настоящий спорт.

– Я могу научить вас ловить мяч, – предложил Хантер. – Я знаю все приемы.

– Еще бы, ведь вы ресивер! У меня хватило мозгов догадаться.

– А как насчет доски для серфинга?

– Как насчет того, чтобы поехать на побережье и пообедать в ресторане, который я знаю? Или прогуляться по берегу?

– Идея мне нравится. Но вы никогда не узнаете меня по-настоящему, пока не увидите в действии, – начал он и осекся. Похоже, он попал в беду. Сказал что-то не то, а с Феррин

нужно быть настолько осторожным, так пристально наблюдать за каждым своим шагом, что рисковать не стоит.

– Я хочу узнать человека. Не игрока, Хантер. С меня и разговоров достаточно, – заверила она.

– Вы правы. Я счастлив сделать все, что вы просите, но за это вы кое-что сделаете вместе со мной.

– Футбол? – спросила она с такой тоской, что он невольно улыбнулся.

– Но я же не прошу вас бегать наперегонки с зомби!

– Думаю, что предпочла бы зомби. Буду с вами честна. Я никогда не любила футбол, вероятно, потому, что мой отец любил его больше всего и всех на свете.

Хантер положил руку ей на плечо и слегка сжал:

– Мой отец точно такой же, если дело касается земли.

– Земли?

– У нашей семьи есть ранчо, на котором трудились несколько поколений, и когда другие семьи покидали свои ранчо и перебирались в Даллас или стали заниматься нефтью, мы сохранили скот. Это единственное, в чем действительно разбирается отец. Футбол по телевизору – развлечение для мужчины в уик-энд, но делать это своей профессией... Он считает, что только лодыри выбирают подобный путь.

– Футбол – это основа наших жизней, – вздохнула она.

– Видите, между нами не такая уж большая разница, – заметил он.

Но разница была велика. Он помирился с отцом. Он всегда приезжал домой между сезонами, когда все еще играл, а теперь – гораздо чаще. По утрам работал вместе с отцом. Они уладили все свои разногласия, идущие из прошлого. Отношения тренера с дочерью – иные. Может Хантер сделать это ради нее? Навести мосты?

Почему он хочет сделать это?

Потому что хочет Феррин и все равно собирается ее использовать. Ему нужно оправдать его действия перед самим собой. Уговорить себя, что использовать ее – вовсе не подлость. Взять ее и одновременно получить необходимую информацию.

– О'кей.

– О'кей?

– Можете просмотреть все отцовские записи и документы. Но... я буду искать вместе с вами.

Гол.

Но тачдауном это не казалось. Он чувствовал себя так, будто хитростью заполучил очки. Обманом.

– Когда будете готовы, – сказал он. – Я по-прежнему хочу научить вас ловить мяч и провести с вами день.

Она долго молча смотрела на него. И он понял, что в ней кроется гораздо больше того, что он заметил с первого взгляда.

– Ожидание не заставит меня думать, что вы больше хотите быть со мной, чем хотите увидеть документы.

– Знаю. Но мне будет легче на душе, если вы позволите увидеть их.

– Не такое уж жесткое заявление для плохиша.

– Феррин, когда я поставил футбол на первое место, считал его важнее женщины, предпочел ей игру, это плохо кончилось, теперь мне нужно сделать все, чтобы очистить совесть.

– Вы говорите о Стейше? Я хочу знать об этом больше, – заявила она.

Феррин хотела знать больше. А он не хотел воскрешать болезненные воспоминания о смерти Стейши, о том, как порвал с ней в ночь ее гибели. С тех пор угрызения совести не

давали ему покоя. Но он знал, что придется говорить о прошлом. Тогда она поймет, почему эти документы так для него важны.

– Определенно, – сказал он вслух. – Но не сегодня. Сегодня мы живем в настоящем.

Она снова взглянула на него, и виноватой душе Хантера показалось, что она видит правду, несмотря на все обаяние, которое, как казалось, он излучал.

– Хорошо. Но вы знаете, как трудно идти вперед, сгибаясь под тяжестью прошлого.

Он потер шею и кивнул:

– Этот факт мне очень хорошо известен.

– Все в порядке. Это только наше второе свидание. Я просто пыталась помочь, – пояснила она. – Профессиональный риск, полагаю.

– Верно, преподаватель психологии. Почему вы преподаете, а не откроете практику?

– Мне нравится преподавание. Мои родители тоже были учителями.

– Ну да, тренер – это наставник в своем роде, верно?

– Я имела в виду своего отчима. Но и тренерская работа тоже может считаться преподаванием.

Она не считала тренера своим отцом. Интересно... но Хантер хочет знать больше. Сегодня он воспользуется случаем лучше узнать ее, а когда отвезет домой, расскажет правду о Стейше и прошлом.

Глава 4

В середине дня на пляже было не так много людей. Хотя она сказала, что хочет поговорить, теперь уже не была так в этом уверена. Хантер, казалось, был ей открыт, но она не хотела видеть под сексапильной внешностью того изломанного, несчастного человека, каким он был на самом деле. Она реагировала на чувственный призыв. Куда легче просто поцеловать его, уложить в свою постель, а затем указать на дверь.

Но она понимала его боль. Видела ее в те спокойные моменты, когда он думал, что она не наблюдает за ним. И женщина в ней хотела утешить его.

Секс – лучшее утешение.

По ее мнению.

Похоть.

Она так давно не встречала мужчину, который возбуждал ее так, как он.

Эмоции. От этих эмоций становилось не по себе. Она предпочитала славное, спокойное ощущение полного безразличия – вот чего она на самом деле хотела.

– О чем вы с отцом договорились? – спросил Хантер, останавливаясь, чтобы взглянуть на море.

– Не совсем понимаю, о чем вы.

Это было ошибкой. Нужно было купить футбольный мяч и позволить ему бросить мяч ей. Вот что следовало сделать. Но вместо этого ей понадобилось поговорить.

Мама... была бы более понимающей. Она, возможно, указала бы на те детали, которые сама Феррин наверняка упустила. Может, стоит объявить тайм-аут и прервать сегодняшнее свидание, чтобы позвонить маме?

Мысль показалась такой абсурдной, что она рассмеялась.

– Вы в порядке?

– Нет. Нет, не в порядке. Я предложила это, чтобы узнать вас лучше, но вы оплатили мне той же монетой, и я вдруг поняла, что не хочу сближаться с вами. Не хочу копаться в душе человека, любящего спорт, который я ненавижу. Человека, чего-то добивающегося от моего отца, которого я сама едва знаю. Человека, разбудившего во мне сознание собственной женственности. Я так привыкла контролировать себя и свое окружение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.